

Асимметричные топоры. Аспекты использования

Статья касается вопросов назначения топоров с асимметричным в сечении лезвием, типологическая и технологическая характеристика которых была дана в предыдущих выпусках ежегодника. Приводятся сведения о вероятностном производственном применении массивных бойков типа 3 и письменные данные XVI в. о боевом использовании топоров в сражениях на лесной территории в качестве метательного оружия и «ударных» средств ближнего боя. Анализируются некоторые сюжеты фольклора населения Западно-Сибирской тайги, касающиеся военного дела и практики осад. Затрагивается аспект, связанный с реализмом эпического описания. Обращается внимание на наличие у рассматриваемых топоров лицевой, парадной стороны, значимой для воинских церемоний.

Ключевые слова: топор, рабочий инструмент, осада, амбразура, героический эпос, военное дело.

А.И. Solovyev^{1, 2}, Е.А. Solovyeva¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²National Research Tomsk State University

E-mail: easolovievy@mail.ru

Asymmetric Axes: Aspects of Use

The article discusses the axes with asymmetrical blades whose typological and technological features have been described in the previous volumes of this annual. The article presents the evidence for a possible use of massive axes of type 3 for cutting trees, as well as the data of the written sources of the 16th century on the use of these axes as throwing weapons and close combat striking weapons for warfare in forest lands. Several narratives from the folklore of the population living in Western Siberian taiga concerning warfare and siege practices are analyzed, and the issue of realism in the heroic descriptions is addressed. The presence of the main frontal side in these axes, which was important for military ceremonies, is noted.

Keywords: axe, working tool, siege, loophole, heroic epic, warfare.

Определение назначения топоров, когда нет явных подсказок, почти всегда вызывает известные затруднения, особенно для Западной Сибири. Мы уже затрагивали в предыдущих выпусках этот вопрос, касаясь конструкции и типологического членения асимметричных бойков. Возвращаясь к нему, отметим, что по числу операций, совершаемых топорами в работе, и разнообразию наносимых им травм в бою с этим орудием мало что может сравниться. Истекшие годы утвердили представление о топоре, как об инструменте плотника и лесоруба, ведь конструкция его такова, что любым образом можно выполнять утилитарные задачи. Хотя уже шла речь о чертах, выдающих боевое прошлое асимметричных топоров, есть информация о возможности их использования на лесоповале

(тип 3 изделий). Их упирали острым носком в ствол дерева и, нажимая на длинную рукоять, направляли падение лесины. А далее отсекали ими сучья*.

Есть и свидетельства боевого использования топора вместе с огнестрельным оружием. Так, Лука Дзялынский, описывая схватку в лесах 17 августа 1580 г., повествует о том, как бойцы, не успев раздуть фитили, «выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись... на скорую руку» и как «один татарин кинулся впереди других с саблей..., но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок». И пока одни «...стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стре-

*Устное сообщение А.П. Бородовского.

лять...» [1897, с. 28–29]. Как видно, здесь отмечают и метательные, и ударные свойства этого оружия.

Вместе с тем топор как средство вооруженной борьбы в фольклоре населения Западно-Сибирской тайги встречается не часто. Редко упоминается и меч – орудие, в боевом назначении которого едва ли кто усомнится. Более того, оба эти предмета фигурируют вместе, да еще и в весьма недвусмысленном контексте. По наблюдениям Я.А. Яковлева и А.И. Бобровой, в эпосе фиксируется три формы применения топора «в фортификационных сражениях: нападавшие рубят им деревянные заграждения, обороняющиеся прикрывают бойницы от стрел и перерубают крепеж подвешенных тяжелых бревен для поражения подступивших под стены врагов» [2004, с. 163, 164].

В недавней работе О.М. Рындиной, А.И. Бобровой, Ю.И. Ожередова вообще оспаривается отнесение позднесредневековых топоров к предметам вооружения [2008, с. 168–178]. Им отводится роль предметов хозяйственного плана и, поскольку речь идет о находках из погребальных комплексов, основной акцент делается на магическую, сакральную составляющую вещей в системе традиционного мировоззрения.

Соглашаясь с авторами в том, что героический эпос обских угров и богатырские предания самодийцев «слишком специфический вид источника», обратим внимание на конкретность преданий, их точность, которые проявляются и в сравнениях, связанных с перипетиями воинского быта. Мы не будем повторять сюжеты, рассмотренные С.К. Паткановым, В.Н. Чернецовым, М.Ф. Косаревым и др. Приведем лишь на одну деталь, казалось бы, явно гипертрофированную. От стрельбы из лука у героя «тетивой кожу с пальцев посдирало» и даже «мясо пообдирало, кости показались» [Чернецов, 1935, с. 134–135]. Но вот информация, зафиксированная в наши дни, о боевой практике индейцев Северной Америки. Когда воин после долгого боя «возвращался к своим... Рука, которой он держал лук, была стерта в кровь, а пальцы, натягивавшие тетиву, – содраны до костей» [Стукалин, 2008, с. 517]. Вряд ли стоит комментировать это совпадение. Но вернемся к топорам. В обско-угорском фольклоре популярен критикуемый сюжет о том, как защитники крепости закрывают бойницы топорами и вражеские «стрелы обратно улетают». Ведь действительно, казалось бы, трудно «представить себе более неэффективное поведение бойцов во время штурма и совершенно невозможно объяснить подобную баллистику стрел» [Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 167]. Здесь, по мнению исследователей, «нашла выражение не реалья военной тактики, а вера в магически охранительную силу топора, которая превратила

его из категории материальной культуры в благонесущий символ» [Там же]. Насчет веры в магически-охранительную силу трудно что-то возразить. Но все остальное не столь однозначно.

Когда речь заходит о трактовке подобных сцен с позиций бытового опыта, неизбежно возникает дилемма: либо бойницы малы, либо топоры огромны. Пока достоверно неизвестно, как выглядели фольклорные палисады и насколько их описание соответствует действительности. Но, судя по археологическим материалам, они, похоже, не сильно расходятся с реалиями других территорий и производят, к примеру, по реконструкции А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым укреплений г. Эмдера, не меньшее впечатление, чем деревянные стены Кремля с картин А.М. Васнецова. Для заполнения лакун обратимся к европейским и восточноазиатским фортификационным материалам, сознавая всю условность таких действий. Как известно, бойницы для стрельбы из лука представляли собой узкие щели [Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 44]. Поскольку особенности лучного боя не позволяли вести обстрел врага, не давая ему шанс на ответный выстрел, всегда оставалась возможность получить метательный снаряд, роковой для стрелка, у амбразуры. Последний же, чтобы учесть все факторы, необходимые для поражения цели, должен непрерывно за ней следить [Там же, с. 168]. В момент подготовки к выстрелу лучник оказывался напротив щели и был уязвим для любой влетевшей в нее стрелы. В таких случаях защитники прикрывали амбразуры разного рода заслонками, оставляющими небольшие открытые участки, пригодные для наблюдения. Некоторые из них, имеющие иную, подквадратную, более опасную для лучника форму, снабжались даже специальными деревянными ставнями [Там же, с. 116]. Аналогичные устройства нам довелось наблюдать и в древних крепостях Восточной Азии. Для амбразуры щелевого типа такой заслонкой мог быть любой подходящий предмет, которым мог манипулировать другой воин, стоящий рядом. И зачастую заслонкой служило оружие достаточно массивное, чтобы закрыть часть отверстия. Им-то и мог быть топор (например, типа 3). Если задуматься, то плоской стороной таких предметов действительно удобно закрывать небольшие бойницы в стене. При этом рациональной оказывается и сама удлиненная форма его лезвия, которым в ином случае сподручно было сбивать со стен противника. Топоры этого типа предварительно можно охарактеризовать как осадные.

Что касается улетающих обратно стрел, то здесь кроется некая двусмысленность. Зададимся вопросами, как можно описать эффект рикошета, не зная такого термина? И есть ли в обско-угорских диалектах соответствующее понятие? Какое соответствие ему могут найти таежные информаторы – носители

иных языковых традиций? И есть ли в последних смысловая разница между понятиями «улетают» и «отлетают назад»? Не надо углубляться в теорию познания, чтобы понять, что при языковых трудностях смысл явления дается описательно, в пределах своего словарного запаса. Применительно к данному случаю «баллистика» стрелы описана довольно верно, ибо ударившись с силой о твердый железный предмет она в подавляющем большинстве случаев рикошетирует – «отлетает назад» или в сторону, но в любом случае в обратном направлении.

Напомним, что излюбленным оружием ближнего боя индейцев был легендарный томагавк, без которого не проходила ни одна стычка и не мыслился переселенцами ни один «краснокожий». Но те самые знаменитые томагавки на поверку были обычными небольшими топорами, которые поставлялись торговцами в XVIII в. [Стукалин, 2008, с. 305–307]. Справедливости ради отметим, что в арсенале миссурийских племен в большом почете были и большие (длина лезвия 17,5–22,5 см, рукояти – 30–45 см) топоры [Там же]. А теперь представим себе, что эти предметы археологизированы, информация о них складывается из обрывков устной традиции, зафиксированной, когда эпоха великих войн и походов уже канула в лету? К какой категории изделий их можно отнести? Пожалуй, что к импортным вещам преимущественно хозяйственной направленности, вероятно сакрализованным, и с натяжкой связанным с воинской амуницией.

Вопрос о том, кому могли принадлежать рассмотренные ранее изделия, пока остается открытым. Условия случайного обнаружения, увы, не дают подсказок, хотя в ряде случаев они могут быть связаны с русскими острогами и оснащением служилых людей. Однако не исключено использование их и в аборигенной среде. Указы русской администрации о запрещении продажи сибирскому населению оружия, в т.ч. и топоров, ясно указывают на существование подобной практики. Что касается орнаментации, присущей, за редким исключением (топор из окрестностей затопленного с. Ирмень), предметам всей серии, она, с одной стороны, косвенно указывает на военное предназначение изделий, с другой – на существование у них лицевой стороны, обращаемой наружу, например, при линейном построении.

В целом, не преувеличивая военного значения топора, едва ли будет правомерно сводить его использование исключительно к производственным и магическим функциям (которыми, кстати, в мировой эпической традиции обладают все значимые средства вооруженной борьбы). Мы склонны, как и прежде, рассматривать его в качестве универсального предмета, имманентно обладающего всеми вышеперечисленными возможностями, переход

к которым осуществлялся ситуативно и спонтанно; предмета, игравшего для военно-потестарных обществ Обь-Иртышского предтаежья роль социального индикатора.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Виолле-ле-Дюк Э.Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века. – М.: Центрполиграф, 2007. – 255 с.

Дзялынский Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялыньским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). – М.: Университетская Типография, 1897. – С. 18–68.

Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – 412 с.

Стукалин Ю.В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 688 с.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки. – Л.: Гослитиздат, 1935. – 141 с.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 137–174.

References

Chernetsov V.N. Vogul'skie skazki. Leningrad: Goslitizdat, 1935, 141 p. (in Russ.).

Dzyalynskii Luka. Dnevnik osady i vzyatiya Velizha, Velikih Luk i Zavoloch'ya s 1-go avgusta po 25 noyabrya 1580 g., vedennyi Lukoyu Dzyalynskim, starostoyu Koval'skim i Brodnitskim. In *Dnevniki vtorogo pohoda Stefana Batoriya na Rossiyu* (1580 g.). Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1897, pp. 18–68 (in Russ.).

Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. Hanty salymского kraя: kul'tura v arheologo-etnograficheskoi retrospektive. Tomsk: State Univ. Press, 2008, 412 p. (in Russ.).

Stukalin Yu.V. Entsiklopediya voennogo iskusstva indeitsev Dikogo Zapada. Moscow: Yauza, Eksmo, 2008, 688 p. (in Russ.).

Violle-le-Duc E. Kreposti i osadnye orudiya. Sredstva vedeniya voyny v Srednie veka. Moscow: Centropoligraf, 2007, 255 p. (in Russ.).

Yakovlev Ya.A., Bobrova A.I. K voprosu o roli i znachenii pogrebal'nogo inventarya pozdnesrednevekovogo naseleniya Priob'ya: topor. In *Hanty-mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Hanty-Mansiisk: Tomsk Univ. Press, 2004, iss. 2, pp. 137–174 (in Russ.).